

в XVII т. ТОДРА.⁴ Оставляя на совести авторов некоторые слишком далеко идущие выводы и модернизированные формулировки, следует отметить тонкость их палеографических наблюдений, что дало возможность, особенно Я. С. Лурье, дать четкую и убеждающую картину создания исследуемых им рукописных сборников, включающих самые разнообразные по содержанию и происхождению произведения.⁵

Исследования Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье написаны на материалах именно Кирилло-Белозерской библиотеки не случайно: «Библиотека кирилловских старцев была связана более (чем другие библиотеки того времени, — Н. Р.) прочными нитями с общественной литературой XV и XVI столетий, так как в эти века около монастыря сосредоточились нестяжатели, полемизировавшие с иосифлянами по религиозно-общественным вопросам», — писал Н. К. Никольский в цитированной уже статье.⁶ Остается лишь пожелать, чтобы современные исследователи продолжили изучение истории Кирилло-Белозерской библиотеки и ее создателей вглубь, вплоть до основателя монастыря и его библиотеки — самого Кирилла. Личность и общественно-политические взгляды последнего, несомненно отразившиеся в дальнейшей жизни монастыря и в развитии основанного им на русском севере книгописания, до сих пор остаются неясными.⁷

Предлагаемая статья имеет своей целью обратить внимание исследователей на происхождение и историю другой древнерусской монастырской библиотеки — библиотеки Соловецкого монастыря, рукописные книги которой в числе 1482 томов хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Она не привлекает в настоящее время достаточного внимания исследователей, хотя в прошлом содержащиеся в ней списки памятников древнерусской историографии, литературы и публицистики много раз привлекались для изданий и исследований.⁸

Начало книгописания в русских монастырях обычно приписывалось их основателям, что чаще всего так и было: книги для своих монастырей писали Антоний и Феодосий Киевские, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский и др. Об основателях же Соловецкого монастыря таких сведений не имеется. Более того: об одном из двух первых обитателей далеких Соловецких островов — старце Германе биограф говорит, что он, «не умея книжного писания», житие своего «спостника» Савватия «повеле клириком своим писати». Однако это «писание ... просто бе написано: якоже сказаваше им Герман простою речию, тако они и писаша, не украшающе речи», почему после смерти Германа в монастыре «не радиша о писании том». Биограф, или по-старинному «списатель жития», Савватия далее пишет, что, живя в одной келье с Германом, «написание Германово о житии Савватия видех и держак у себе, и не един год, прочитав со многим вни-

⁴ Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 169—170; Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 130—168.

⁵ Как убедительно показал Я. С. Лурье, Ефросин является составителем четырех сборников, хранящихся ныне в Кирилло-Белозерской библиотеке. Им собственноручно переписано значительное количество составляющих эти сборники статей; остальные статьи были им отредактированы.

⁶ Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности, стр. 14. По мнению современных исследователей, нестяжатели появились лишь в XVI в.

⁷ Интересно отметить, что некоторые статьи сборников, составленных Ефросином, попадают уже в книги, принадлежавших Кириллу.

⁸ По спискам Соловецкой библиотеки были впервые изданы сочинения Вассиана Патрикеева, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, князя Курбского и многих других писателей-публицистов XVI в.